

НИВЕЛИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЛАКУН В БЕЛОРУССКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

А. А. ЛАВИЦКИЙ¹⁾, А. Л. ДЕДИНКИН¹⁾

¹⁾Витебский филиал Международного университета «МИТСО»,
ул. Марка Шагала, 8А, 210015, г. Витебск, Беларусь

Аннотация. Показаны возможности современной юрислингвистики, в частности ее подотрасли – судебной лингвистической экспертиологии, в решении вопросов нивелирования законодательных лакун. На материале подготовленных авторами по заданию органов следствия и дознания экспертиз конфликтных текстов, судебных постановлений, опубликованных в открытом банке данных, а также диспозиций отдельных статей административного, гражданского и уголовного кодексов представлены предложения по внесению изменений в белорусское национальное законодательство. Обоснована необходимость уточнения и юридического закрепления определения понятия вербального экстремизма как формы реализации экстремизма, обнаруживаемой в содержании продуктов речевой деятельности, в том числе продуктов, сгенерированных программами имитации человеческого поведения. Даны формулировки категорий вражды и розни, которые квалифицируют состав преступления, предусмотренного ст. 130 Уголовного кодекса Республики Беларусь, а также категорий чести, достоинства и деловой репутации как понятийных компонентов ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Аргументирована потребность в дополнении формулировки ст. 188 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Клевета», а именно во включении в ряд клеветнических высказываний измышлений как формы распространения заведомо ложной информации в косвенных речевых актах. Предложено извлечь характеристику умышленности из диспозиции ст. 10.2 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь из-за несоответствия своему юридическому значению в формулировке понятия оскорбления.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза; вербальный экстремизм; вражда; рознь; оскорбление; угроза; клевета.

Благодарность. Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта Г24-008.

Образец цитирования:

Лавицкий АА, Дединкин АЛ. Нивелирование терминологических лакун в белорусском законодательстве: вопросы теории и практики. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2024;2:96–105.
EDN: YVWFOA

For citation:

Lavitski AA, Dziadzinkin AL. Levelling terminological gaps in the Belarusian legislation: questions of theory and practice. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2024;2: 96–105. Russian.
EDN: YVWFOA

Авторы:

Антон Алексеевич Лавицкий – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой правоведения и социально-гуманитарных дисциплин.

Александр Леонидович Дединкин – кандидат исторических наук, доцент; профессор кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин.

Authors:

Anton A. Lavitski, PhD (philology), docent; head of the department of law and social sciences and humanities.

anton_lavitski@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9102-4440>

Aliaksandr L. Dziadzinkin, PhD (history), docent; professor at the department of law and social sciences and humanities.

alexanderdedinkin@yandex.by
<https://orcid.org/0000-0003-1029-0788>

НІВЕЛІРАВАННЕ ТЭРМІНАЛАГІЧНЫХ ЛАКУН У БЕЛАРУСКІМ ЗАКАНАДАЎСТВЕ: ПЫТАННІ ТЭОРЫІ І ПРАКТЫКІ

А. А. ЛАВІЦКІ^{1*}, А. Л. ДЗЯДЗІНКІН^{1*}

^{1*} Віцебскі філіял Міжнароднага ўніверсітэта «МІТСО»,
вул. Марка Шагала, 8А, 210015, г. Віцебск, Беларусь

Анацыя. Паказаны магчымасці сучаснай юрыслінгвістыкі, у прыватнасці яе падгаліны – судовай лінгвістычнай эксперталогіі, у вырашэнні пытанняў нівеліравання заканадаўчых лакун. На матэрыяле падрыхтаваных аўтарамі па заданні органаў следства і дзялення экспертыз канфліктагенных тэкстаў, судовых пастаноў, апублікаваных у адкрытым банку дадзеных, а таксама дыспазіцый асобных артыкулаў адміністрацыйнага, грамадзянскага і крымінальнага кодэксаў прадстаўлены прапановы па ўнясенні змен у беларускае нацыянальнае заканадаўства. Абгрунтавана неабходнасць удакладнення і юрыдычнага замацавання азначэння паняцця вербальнага экстрэмізму як формы рэалізацыі экстрэмізму, якая выяўляецца ў змесце прадуктаў маўленчай дзейнасці, у тым ліку прадуктаў – вынікаў генерыравання праграмамі імітацыі чалавечых паводзін. Дадзены фармулёўкі катэгорый варожасці і звады, якія кваліфікуюць склад злачынства, прадугледжанага арт. 130 Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь, а таксама катэгорый гонару, годнасці і дэлавой рэпутацыі як паняццёвых кампанентаў арт. 153 Грамадзянскага кодэкса Рэспублікі Беларусь. Аргументавана патрэбнасць у дапаўненні фармулёўкі арт. 188 Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь «Паклёп», а менавіта ў прылічэнні да разраду паклёпніцкіх выказванняў выдумаў як формы распаўсюджвання загавораў ілжывай інфармацыі ва ўскосных маўленчых актах. Прапанавана выключыць характарыстыку наўмыснасці з дыспазіцыі арт. 10.2 Кодэкса аб адміністрацыйных правапарушэннях Рэспублікі Беларусь з-за неадпаведнасці свайму юрыдычнаму значэнню ў фармулёўцы паняцця абразы.

Ключавыя словы: судовая лінгвістычная экспертыза; вербальны экстрэмізм; варожасць; звада; абраза; пагроза; паклёп.

Падзяка. Работа выканана пры падтрымцы Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў у рамках навуковага праекта Г24-008.

LEVELLING TERMINOLOGICAL GAPS IN THE BELARUSIAN LEGISLATION: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

A. A. LAVITSKI^a, A. L. DZIADZINKIN^a

^aVitebsk Branch of the International University «MITSO»,
8A Marka Shagala Street, Viciebsk 210015, Belarus

Corresponding author: A. A. Lavitski (anton_lavitski@mail.ru)

Abstract. The article shows the possibilities of modern legal linguistics and, in particular its sub-branch – judicial linguistic expertise, in solving the problem of eliminating legislative gaps. Based on the material prepared by the authors on the instructions of the investigation and inquiry bodies conducting special studies of conflict-prone texts, court decisions published in an open bank as well as dispositions of individual articles of the administrative, civil and criminal codes, proposals for amendments to the Belarusian national legislation are presented. The study substantiates the need to clarify and legally consolidate the definition of verbal extremism as a form of extremism found in the content of speech products, including those generated by software products of imitation of human behaviour. The formulations of the categories of enmity and discord that qualify the crime under art. 130 of the Criminal Code of the Republic of Belarus, as well as the categories of honor, dignity and business reputation, as conceptual components of art. 153 of the Civil Code of the Republic of Belarus are proposed. The necessity of supplementing the wording of art. 188 of the Criminal Code of the Republic of Belarus «Libel» is substantiated: the inclusion of fabrications into the category of slanderous statements as a form of dissemination of knowingly false information in indirect speech acts. It is proposed to extract the characterisation of premeditation from the disposition of art. 10.2 of the Code of Administrative Offenses of the Republic of Belarus as not corresponding to its legal meaning in the formulation of the concept of insult.

Keywords: forensic linguistic expertise; verbal extremism; enmity; discord; insult; threat; libel.

Acknowledgements. This work was supported by the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research according to the research project G24-008.

Введение

Несмотря на преодоление лингвистикой границ языка, который в понимании Ф. де Соссюра рассматривается в самом себе и для себя, очевидно, что потенциал ее взаимодействия с другими отраслями науки реализован далеко не в полной мере [1, с. 135]. Еще в середине XX в. Э. Сепир прозорливо писал: «Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют – и обвиняют справедливо – в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще» [2, с. 237–238]. Современная лингвистика серьезно обогатила гуманитарное знание изысканиями интегративного характера, выполненными на стыке диалектических интересов языка и культуры, психологии, социологии, истории и т. д. Возникли и утвердились соответствующие научные направления, к числу которых относится и юридическая (правовая) лингвистика.

Как научное направление юрислингвистика сформировалась относительно недавно, хотя еще в начале прошлого столетия исследователи обращались к изучению проблемных аспектов интерпретации юридического тезауруса (В. Д. Катков [3], М. Гредингер [4]), правовой коммуникации (Б. Врублевский [5]) и др. Однако первые концептуальные работы в данном русле появились в зарубежном языкознании лишь в конце 1970-х – начале 1980-х гг., а в отечественной (советской) лингвистике на полтора десятилетия позже. За короткий период своего существования юрислингвистика внесла вклад в развитие теории коммуникации, прагматической лингвистики и социолингвистики, стилистики, лексикологии и лексикографии, психологии поведения, а также непосредственно юриспруденции, которая, в свою очередь, по справедливому замечанию А. С. Александрова, в новом тысячелетии уже «не может оставаться только на собственно юридической почве» [6, с. 4]. В связи с этим чаще всего отмечают работы прикладного характера, выполненные в рамках такой юрислингвистической подотрасли, как судебная лингвистическая экспертиза, которая самым тесным образом взаимодействует с криминологией, криминалистикой, информационным, уголовным, административным и гражданским правом и др. Если первоначальные задачи судебной экспертизы текста были сужены до решения отдельных вопросов герменевтики и классификации языковых единиц (установления содержания исследуемых единиц и их отнесения к какому-либо классу [7, с. 237–238]), то современное взаимодействие языка и права реализуется в судебном процессе, деятельности органов следствия и дознания, медиации.

Период интенсивной практической работы по изучению продуктов речевой деятельности, точнее по анализу соответствия их содержания правовым нормам, позволил белорусским специалистам накопить достаточно богатый экспертный опыт, интенсифицировать изыскания теоретического характера. В совокупности с высоким уровнем востребованности в судебных исследованиях языкового материала данный факт потребовал введения соответствующих учебных предметов в образовательный процесс учреждений высшего образования и дополнительного образования взрослых. Кроме того, отечественным ученым удалось решить отдельные вопросы экспертной методологии и нормализации терминологического аппарата юрислингвистики, разработать методические рекомендации для экспертов-лингвистов [8–11].

Парадоксально, но, успешно выполняя свои исследовательские задачи, современная правовая лингвистика не уменьшает их числа, так как постоянно расширяет границы интегративного взаимодействия с объектами системы общественных отношений. При этом юрислингвистический взгляд на некоторые нерешенные вопросы правового поля отличается продуктивностью, так как подобная аналитика не только имеет критическую составляющую, но и позволяет сформулировать предложения по нивелированию недостатков. Декларируя проблемы в экспертной лингвистической работе, правоохранительные органы часто не видят, что их истоки кроются в несовершенстве законодательной базы. Например, еще в апреле 2019 г. на заседании межведомственной рабочей группы^{1*}, в состав которой входили представители Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь и Министерства внутренних дел Республики Беларусь, озвучивались факты, свидетельствующие о значительном количестве отказов экспертных организаций от разрешения вопросов, связанных с изучением материалов на предмет наличия в них признаков нарушения ст. 130 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) «Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни». Ключевой проблемой в данном случае являлась невозможность квалификации содержания противоправного деяния в отсутствие правовой трактовки понятий вражды и розни. Однако, к сожалению, спустя пять лет этот вопрос законодательно не был разрешен.

Сущностно идентичные (имеющие терминологическую основу) трудности обнаруживаются и в отношении других категорий, которые культивируются в правоприменительной практике. В их число входят

^{1*} Протокол заседания комиссии не имеет грифа секретности. В печатном виде он был разослан заинтересованным организациям, включая учреждения высшего образования. Копия протокола имеется у авторов.

несоответствие понятия умысла юридической трактовке формы вины при идентификации оскорбления, отсутствие юридически закреплённых определений триады субъективных нематериальных благ *честь – достоинство – деловая репутация*, коррелирующих с содержанием ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК), а также толкование клеветы (ст. 188 УК) как информации, реализующейся только в качестве утверждения о факте (фактах).

Указанное выше подталкивает к выводу о том, что следующим логичным шагом в развитии не только лингвистической экспертизы текста, но и всей юрислингвистики является выход на уровень нивелирования отдельных законодательных лакун. Для решения этой задачи имеются все предпосылки, хотя в Республике Беларусь, к сожалению, до сих пор не сформировалась национальная юрислингвистическая научная школа. В настоящей статье наглядно демонстрируются возможности современной юрислингвистики в области законотворчества, что предопределяет цели исследования – выявление правовых лакун в белорусском законодательстве и предложение вариантов их нивелирования с позиции современной лингвистической экспертизы текста.

Материалы и методы исследования

Авторами использованы языковые материалы из собственной практики проведения по заданиям органов следствия и дознания экспертиз конфликтогенных текстов, отдельные положения УК, Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь (КоАП), ГК, Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь, а также комментарии к ним. Кроме того, изучению подвергнуты сведения, полученные из открытого банка данных судебных решений (<https://service.court.gov.by>).

Методология работы включала общенаучные методы обобщения, систематизации, анализа и дедукции, а также статистические методы сбора и обработки данных. В процессе исследования речевого материала применялись специальные методы, верифицированные в судебной лингвистической экспертиологии (параметризация, логико-семантический, лексико-центрический, сравнительно-сопоставительный, словарный, стилистический, синтаксический, жанрово-стилистический и прагмалингвистический анализ).

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим наиболее прецедентные противоправные деяния, при изучении состава которых органы следствия и дознания чаще всего обращаются к судебной лингвистической экспертизе текста. Речь идет о вербальных проявлениях экстремизма, совершении угрозы, нанесении оскорбления и распространении клеветы. В современных процессуально-следственной и судебной практике административного, уголовного производства и частных обвинений, сопряженных с указанными правонарушениями, назначение судебной лингвистической экспертизы не является обязательным. Результаты анализа материалов из банка данных судебных решений, а также сведения, полученные от органов следствия и дознания, свидетельствуют о том, что чаще всего специальная экспертиза текста назначается по делам, связанным с экстремистской деятельностью, нанесением оскорбления. В последние годы также наблюдается рост количества обращений к экспертизе речевых материалов на предмет наличия в их содержании признаков клеветы.

При проведении судебной лингвистической экспертизы в Республике Беларусь используются типовые методики, методические рекомендации и информационно-методические письма, разработанные Экспертно-криминалистическим центром Министерства внутренних дел Российской Федерации и Научно-практическим центром Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. В Реестре методических материалов в сфере судебно-экспертной деятельности^{2*} содержатся сведения о 16 таких документах, из которых только 4 документа являются методиками проведения специального исследования. Отдельно следует отметить, что для экспертного изучения признаков правонарушений, представляющих интерес для настоящей работы, в реестре отсутствуют комплексные типовые методики. Указанное выше объективизирует реальное положение дел, когда заинтересованные органы, суды, в соответствии со ст. 227 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, обращаются для проведения специального исследования текста во внеэкспертные организации, т. е. учреждения, не имеющие лицензионного разрешения на проведение судебной экспертизы текста.

Полагаем, что одна из главных причин данного факта кроется в наличии в национальном законодательстве правовых лакун, в первую очередь лакун понятийного характера. Так, например, повсеместно распространенный термин «вербальный экстремизм» не имеет законодательно закреплённой формулировки, что

^{2*}Реестр методических материалов в сфере судебно-экспертной деятельности // Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь : сайт. URL: <https://sudexpert.gov.by/ru/registry-materials.html> (дата обращения: 12.04.2024).

предопределяет разночтения в его толковании. Схожая проблема обнаруживается в правовом поле других стран. Идентичная ситуация в Российской Федерации позволяет отдельным специалистам рассматривать вербальный экстремизм как особый вид противоправного деяния (см. работы Н. С. Громовой [12], А. Л. Южаниновой [13]). Однако, очевидно, в юридическом смысле такая трактовка невозможна, ибо речь идет о форме имплементации экстремистской активности. В связи с этим следует согласиться с А. А. Кирдун, полагавшей, что «... в преступлениях экстремистского характера вербальная составляющая имеет не только “функцию” сопровождения основного (физического) действия. Содержательная часть объективной стороны преступлений... актуализирует вербальный способ их совершения, а также наличие речевого произведения... как конечного продукта речевой деятельности» [14, с. 570]. Подтверждение обнаруживаем в белорусском национальном законодательстве. Так, ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» дает основания считать самостоятельной формой правонарушений экстремистского толка вербальную активность личности: распространение ложных сведений, пропаганду, публичные призывы и т. д.

Предугадывая перспективы применения технологического инструментария в сфере массовой коммуникации, стоит сказать, что использование некоторых его возможностей (например, генерация текста искусственным интеллектом или нейросетями) может стать одним из способов ухода от риска юридической ответственности за вербальные проявления экстремизма через деавторизацию текста как предмета правового разбирательства. Исходя из этого, при рассмотрении преступлений экстремистской направленности логичным видится закрепить авторство текстов, подготовленных с помощью компьютерно-информационных технологий имитации человеческого поведения, за лицом, непосредственно осуществляющим подготовку технического задания для соответствующих программ.

Кроме того, законодательно не закреплены и характерные черты отдельных видов экстремизма (национального, религиозного, политического и др.), хотя такая необходимость имеется, поскольку перед экспертами-лингвистами ставится задача по определению в спорном тексте конкретного признака возбуждения вражды или розни. С видами экстремизма, а также с речевыми формами его реализации, указанными в обозначенном выше законе, коррелируют соответствующие преступления, отраженные в УК (пропаганда войны (ст. 123), разжигание вражды или розни (ст. 130), реабилитация нацизма (ст. 130¹), отрицание геноцида белорусского народа (ст. 130²), публичные призывы к санкциям (ст. 361), угроза в отношении должностного лица (ст. 366), клевета в отношении Президента Республики Беларусь (ст. 367), оскорбление Президента Республики Беларусь (ст. 368), оскорбление представителя власти (ст. 369) и др.), КоАП (пропаганда или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики (ст. 19.10), распространение, изготовление, хранение, перевозка информационной продукции, содержащей призывы к экстремистской деятельности или пропагандирующей такую деятельность (ст. 19.11), незаконное изготовление и (или) распространение методик либо иных материалов о способах изготовления взрывных устройств и взрывчатых веществ (ст. 19.12)).

Более серьезной видится проблема дифференциации понятий вражды и розни. Дело в том, что ст. 130 УК устанавливает ответственность за умышленные действия, направленные на возбуждение расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни по признаку расовой, национальной, религиозной, языковой или иной социальной принадлежности. Однако ни содержание статьи, ни комментарии к ней не включают дефиниций понятий вражды и розни. При этом для квалификации преступления органу, ведущему следствие, необходимо четко определить состав вменяемого деяния, т. е. указать, что конкретно реализует содержание конфликтного текста – разжигание вражды или розни.

Лексикографические источники не вносят ясности в решение обозначенного вопроса и отличаются непоследовательностью в трактовке изучаемых категорий, рассматривая одно понятие через другое. В толковых словарях^{3*} вражда трактуется как «недоброжелательные, неприязненные, проникнутые ненавистью отношения и действия», «отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью», а рознь – как «вражда, несогласие, ссора». В свою очередь, предложим следующие дефиниции для использования данных понятий в правовой сфере: рознь – воззрения, эксплицирующие различия между оппозиционными социальными группами, их противоположность и несовместимость; вражда – отношения и действия одной группы лиц, мотивированные неприязнью или ненавистью к другой группе. Такой подход не только позволяет четко дифференцировать вербальные проявления экстремизма, но и не противоречит диспозиции ст. 130 УК.

Разжигание розни означает содействие тому, чтобы представители одной группы понимали противоположность своих интересов устремлениям членов другой группы и их несовместимость. Тем самым

^{3*} Современный толковый словарь русского языка Ефремовой // Академик : сайт. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 12.04.2024) ; Толковый словарь Ушакова // Там же. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 12.04.2024).

посредством укоренения соответствующих воззрений в сознании людей между группами формируется непреодолимое отчуждение. Механизмом разжигания розни является использование высказываний о превосходстве или исключительности одной группы в сопоставлении с биологической, социальной, нравственной дефективностью или порочностью другой группы. Разжигание вражды означает содействие тому, чтобы представители доминантной группы начали борьбу (в физической или вербальной форме) с рецессивной группой. Существует ряд механизмов разжигания вражды, например возложение вины за возникающие социальные проблемы на рецессивную группу, требования ограничить права и свободы ее представителей, обоснование исключительного права доминантной группы на «жизненное пространство» и др.

Терминологические проблемы обнаруживаются и в отношении триады *честь – достоинство – деловая репутация*. Данные понятия считаются важнейшими нематериальными субъективными правами человека. Уточнить различия между ними важно в аспекте квалификации содержания правонарушения: следственное и судебное производство требует однозначного указания на вид нарушаемого права. Очевидно, что категория деловой репутации имеет явную специфику. Более того, ее определение отражено в комментариях Верховного Суда Республики Беларусь (см. об этом ниже). Категории чести и достоинства обладают междисциплинарным характером и входят в терминологический аппарат многих гуманитарных наук (философии, педагогики, психологии и др.). Их понимание обусловлено авторским подходом и исследовательским направлением, а принципы разграничения не унифицированы. При этом считается, что честь и достоинство могут быть умалены посредством самоинтерпретации устного или письменного текста вне зависимости от уровня коммуникативной публичности и канала речевого взаимодействия.

Непоследовательны в терминологическом определении чести и достоинства и юридическая наука и практика. В них оба понятия рассматриваются семантически достаточно тесно и через призму некоторых трактовок выглядят как синонимы [15, с. 145], обозначающие морально-нравственные качества человека в контексте их общественной и личностной оценки. Так, в издании «Большой юридический словарь» под редакцией А. В. Малько честь интерпретируется как «категория, означающая моральную оценку человека обществом, а также самооценку»^{4*}, а достоинство – как «морально-нравственная категория, означающая уважение и самоуважение человеческой личности»^{5*}.

Данный подход не соответствует юридическим аспектам следствия и судебного процесса: хотя честь и достоинство имеют одинаковую аксиологическую правовую основу, по механизмам и объему защиты они не идентичны. Также указанные формулировки не могут быть экстраполированы в сферу лингвистической экспертологии, так как они не позволяют задать предметную область специального исследования речевого материала.

Для выхода из сложившейся ситуации необходимо: 1) концептуально разрешить вопрос о сущностном значении понятий чести и достоинства; 2) разработать соответствующие формулировки; 3) законодательно их зафиксировать. Современной юрислингвистикой успешно выполнены первые две задачи (третья, очевидно, не входит в ее компетенцию). В частности, практика экспертной работы показывает, что логичным является подход, при котором обе рассматриваемые категории идентифицируются как набор положительных морально-нравственных характеристик. Однако честь эксплицируется как положительное восприятие личностных качеств со стороны социального окружения, достоинство же интерпретируется как интровертная пресуппозиция личностной самооценки, т. е. «совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе»^{6*}.

Успешность представленного подхода обусловлена не только отсутствием противоречий с действующим законодательством, но и возможностью его использования в практике судебной экспертизы текста. Так, покушение на достоинство личности осуществляется только в том случае, если автор отрицает положительные морально-нравственные качества, которые объект речевой агрессии предписывал себе ранее:

– *Я всегда был честным и справедливым человеком.*

– *Смешно... Вы самый бесчестный человек, которого я когда-либо встречала. А Ваша ангажированность не дает права говорить о справедливости.*

В этом примере диалогового взаимодействия сначала адресант конфликтогенного высказывания вербализует элементы собственного достоинства (*честный и справедливый человек*), а затем адресат утверждает об их отсутствии, т. е. отрицает положительные характеристики самооценки коммуникативного оппонента. Обратный порядок речевых действий участников общения, когда обидчик порицает моральные качества человека, который, в свою очередь, возражает ему, не выступает признаком покушения на достоинство. Приведенная трактовка коррелирует с юридическим пониманием вины как осознания субъектом

^{4*} Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. М.: Проспект, 2009. С. 631.

^{5*} Там же. С. 237.

^{6*} Толковый словарь Ожегова // Академик: сайт. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (дата обращения: 12.04.2024).

собственных деяний до момента совершения правонарушения («вина – это психическое отношение субъекта к своим действиям и последствиям, выражающееся в осознании, предвидении, желании наступления вредных последствий»^{7*}).

Таким образом, нарушение права на достоинство требует обязательной первичной констатации со стороны потенциально пострадавшего лица своих положительных морально-нравственных качеств. На практике указанная особенность может быть реализована на контекстуальном или интертекстуальном уровне: *Вчера в интервью центральному телевидению Колокольцев говорил, что трудолюбие – это его жизненное кредо. Но это полное вранье: он лодырь, каких свет не видывал!* В отсутствие такой первичной констатации или без указаний объектом речевой агрессии на собственные позитивные морально-нравственные характеристики содержание конфликтного текста умаляет честь: *Депутат Руденский – хам и беспринципный человек; Ты настоящий пример безответственности и нравственной распушенности.*

Понятийно-правовой коллизией является и категория деловой репутации. Ее значение разъясняется постановлением Пленума Верховного Суда от 23 декабря 1999 г. № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации» и постановлением Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 26 апреля 2005 г. № 16 «О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о защите деловой репутации». Так, деловая репутация – это положительная оценка хозяйственной (экономической) деятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица как участника хозяйственных (экономических) правоотношений другими участниками имущественного оборота, формирование и поддержание которой способствует осуществлению предпринимательской деятельности. Однако в такой трактовке просматривается узкое понимание атрибутивного значения лексемы «деловой», так как в качестве носителей обсуждаемого блага называются только субъекты хозяйственной (хозяйственно-предпринимательской) деятельности. В сложившейся ситуации прослеживается искусственное сужение возможности судебной защиты деловой репутации [16, с. 69], поскольку правовой защиты лишены работники, функционально не занимающиеся хозяйственной и распорядительной деятельностью (врачи, учителя, ученые и т. д.). Кроме того, в белорусском законодательстве деловая репутация является компонентом системы гражданских прав, а в ст. 153 ГК обозначено, что ее правила распространяются и в отношении юридических лиц.

Еще больше в этом вопросе запутывает содержание ст. 47 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь, в которой устанавливается специальная подведомственность, уполномочивающая экономические суды рассматривать вопросы о защите деловой репутации. В связи с обозначенными выше постановлениями Верховного Суда Республики Беларусь и Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь в стране достаточно длительное время отсутствовала реальная возможность защиты деловой репутации граждан, не осуществляющих хозяйственную деятельность. Только в последние несколько лет такие иски стали рассматриваться судами общей юрисдикции, хотя понятийная лакуна осталась.

Таким образом, уточнение формулировки термина «деловая репутация» требует обращения к более широкой трактовке прилагательного «деловой» как слова, которое используется для обозначения любой функционально-служебной, профессиональной деятельности, выполняемой в том числе на общественных началах. Следовательно, деловая репутация может быть определена как совокупность профессиональных и (или) служебных качеств личности, отраженная в сложившемся у окружающих (общераспространенном) и (или) у работодателя мнении.

Практика лингвоэкспертной работы показывает, что ряд проблем у правоохранительных органов, судов вызывает и диспозиция ст. 188 УК «Клевета». Дело в том, что данное противоправное деяние законодательно идентифицируется как «распространение заведомо ложных, порочащих другое лицо сведений в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи, либо клевета, содержащая обвинение в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления». Белорусское национальное законодательство исходит из прагматической коммуникативной основы клеветы как распространения сведений («известия, уведомления, сообщения о чем-нибудь»^{8*}). По этой причине в правоприменительной, равно как и в лингвоэкспертной, практике при изучении текстов, имеющих признаки клеветы, необходимо различать информацию, выраженную в форме сведений, т. е. утверждение, и мнение. Таким образом, только фактологическое высказывание может с правовой точки зрения реализовывать клевету. Речевые акты, идентифицируемые как оценочные (или как предположение [17, с. 53]), не подлежат юридическому преследованию.

^{7*}Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учебник. М. : Юрайт, 2002. С. 307.

^{8*}Толковый словарь Ушакова // Академик : сайт. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 12.04.2024).

Для судебной экспертологии подробно рассмотренная выше диспозиция ст. 188 УК в ряде случаев вызывает сложности, касающиеся установления соответствия оспариваемой информации характеристике порочности, ибо данная категория не только не определяется в законодательстве, но и неоднозначно интерпретируется в гуманитарном знании. Кроме того, с позиции теории коммуникации и прагмалингвистики утверждение о фактах может реализовываться и в косвенных речевых актах (*Ни для кого не секрет, что ты казнокрад и взяточник*). В связи с этим логичным видится правовое закрепление термина «измышление» в общелингвистическом значении «выдумка, вымысел, не соответствующий истине»^{9*}. Именно эта категория длительное время использовалась в диспозиции уголовной статьи о клевете в СССР, а также была унаследована отдельными странами, ранее в него входившими. Например, в Латвийской Республике клевета – это распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений в печатном или иным способом размноженном произведении, а также устно, публично [18, с. 211].

Терминологическая проблема обнаруживается и при детальном изучении определения оскорбления. Данное преступление относится к наиболее распространенным противоправным деяниям, при расследовании которых назначается судебная лингвистическая экспертиза текста. Оскорбление включено в ряд статей УК: ст. 368 «Оскорбление Президента Республики Беларусь», ст. 369 «Оскорбление представителя власти», ст. 391 «Оскорбление судьи или народного заседателя» и др. КоАП содержит две соответствующие статьи (ст. 10.2 «Оскорбление» и ст. 24.4 «Оскорбление должностного лица при исполнении им служебных полномочий»), в первой из которых оскорбление идентифицируется как «умышленное унижение чести и достоинства, выраженное неприличным способом».

Реальное положение дел свидетельствует о том, что как в экспертной практике, так и в правоприменительной деятельности умышленность оскорбления не рассматривается как юридическая категория. Данный факт вызван тем, что умысел в праве – это форма вины («осознание субъектом возможности или неизбежности и желание наступления негативных последствий его противоправных действий»^{10*}). При этом установление наличия умысла относится к компетенции суда. При назначении же экспертизы органы следствия и дознания ставят перед специалистом вопрос о присутствии в тексте высказываний, негативно характеризующих какое-либо лицо, имеющих неприличную речевую форму и выраженных как утверждение о факте (фактах). В итоге эксперт рассматривает в качестве одного из параметров идентификации оскорбительного речевого акта его фактологичность, хотя законодательная диспозиция этого не требует (напомним, что оскорбление – это умышленное унижение чести и достоинства). Вероятно, сложившаяся ситуация обусловлена тем, что в данную формулировку законодателем вложено отличное от юридической трактовки значение умышленности как дифферента выражения мнения – феномена, не подлежащего юридическому преследованию в силу соответствующего конституционного права (согласно ст. 33 Конституции Республики Беларусь каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение). Однако, так как это право является безусловным, дополнительно фиксировать его в законодательном акте более низкой легитимности видится необязательным.

Заключение

Практика проведения специальных судебных лингвистических исследований потенциально конфликтогенных продуктов речевой деятельности, а также результаты анализа диспозиций отдельных статей белорусского административного, гражданского и уголовного законодательства и комментариев к нему показывают наличие ряда терминологических лакун, требующих нивелирования. В частности, предлагается осуществить следующие процедуры по нормализации понятийного правового аппарата:

- подготовить разъяснения с уточнением понятия вербального экстремизма как формы реализации экстремизма, обнаруживаемой в содержании продуктов речевой деятельности человека, а также законодательно ввести норму закрепления авторства текстов, созданных с помощью компьютерно-информационных технологий имитации человеческого поведения, за лицом, непосредственно осуществляющим подготовку технического задания для соответствующих программ. Последнее позволит избежать возможности ухода от ответственности за совершение вербальным способом экстремистских преступлений посредством апелляции к отсутствию авторской принадлежности к конфликтогенному тексту – предмету совершения противоправного деяния;
- юридически зафиксировать следующие определения категорий вражды и розни как понятийных компонентов ст. 130 УК. Рознь – воззрения, эксплицирующие различия между оппозиционными социальными группами, их противоположность и несовместимость. Вражда – отношения и действия одной

^{9*} Современный толковый словарь русского языка Ефремовой // Академик : сайт. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 12.04.2024); Толковый словарь Ушакова // Там же. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 12.04.2024).

^{10*} Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. С. 58.

группы лиц, мотивированные неприязнью или ненавистью к другой группе. Представленный подход позволит не только дифференцировать вербальные проявления экстремизма, но и достоверно квалифицировать действия по указанной уголовной статье;

- законодательно закрепить формулировки понятий чести, достоинства и деловой репутации, которые должны коррелировать с содержанием ст. 153 ГК. Честь предлагается рассматривать как достойные уважения и гордости моральные качества человека в восприятии окружающих, его соответствующие принципы, хорошую, незапятнанную репутацию, достоинство – как интровертный феномен, т. е. социальную самооценку личности, положительное качество, совокупность высоких моральных качеств, уважение этих качеств в самом себе, а деловую репутацию – как совокупность профессиональных и (или) служебных качеств личности, отраженную в сложившемся у окружающих (общераспространенном) и (или) у работодателя мнении;

- дополнить формулировку ст. 188 УК, включив в разряд клеветнических высказывания, которые содержат не только сведения, но и измышления, являющиеся заведомо ложными и порочащие другое лицо. Предлагаемый подход отвечает обыденному восприятию клеветы как информации, выражающейся в форме утверждения о фактах и косвенных речевых актах;

- внести изменения в ст. 10.2 КоАП, изложив понятие оскорбления как унижение чести и (или) достоинства, выраженное неприличным способом. Необходимость извлечения характеристики умышленности деяния из формулировки оскорбления обусловлена несоответствием сущностного значения категории умышленности в составе терминологического определения правонарушения (умысел в праве – это форма вины, отягчающая наказание) ее фактическому использованию как дифферента выражения мнения.

Библиографические ссылки

1. Маслова ВА, Пивовар ЕС. Монодисциплинарность в гуманитарных науках – тупиковый путь развития науки. *Метафизика*. 2022;3:129–137. DOI: 10.22363/2224-7580-2022-3-129-137.
2. Сепир Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Кибрик АЕ, переводчик и редактор. Москва: Прогресс; 1993. 656 с.
3. Катков ВД. *К анализу основных понятий юриспруденции*. Харьков: Университетская типография; 1905. 462 с.
4. Гредингер М. *Избранные труды*. Минск: ЮрСпектр; 2023. 544 с.
5. Wroblewski B. *Język prawny i prawniczy*. Krakow: PWN; 1948. 244 s.
6. Александров АС. *Введение в судебную лингвистику*. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия; 2003. 420 с.
7. Бринев КИ. Лингвистическая экспертиза: типы экспертных задач и методические презумпции. *Юрислингвистика*. 2008; 9:232–249.
8. Лапунина ТА, Богинская ДС, Карпенко ДД. *Методика установления наличия негативной оценки лица и нормативности/ненормативности формы ее речевого выражения в спорном тексте*. Минск: Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь; 2021. 75 с.
9. Дода ИГ. Возможности судебной лингвистической экспертизы в Республике Беларусь: современное состояние и перспективы развития. В: Цыганов ВИ, Тихонова СС, Юматова ВА, редакторы. *Естественно-научные методы исследований в теории и практике производства судебных экономических и речеведческих экспертиз. Материалы Всероссийской научно-практической конференции; 20–21 августа 2016 г.; Нижний Новгород, Россия*. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского; 2017. с. 46–52.
10. Кирдун АА, Андреева АВ, Михайленко ГВ. Лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. *Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы*. 2015;2:95–100. EDN: YSENPf.
11. Тихомирова ЕА. Коммуникативная ситуация оскорбления: анализ экспертом. В: Швед АИ, редактор. *Евразийское партнерство судебных экспертов: вызовы, проблемы, пути решения и перспективы развития. Материалы Международной научно-практической конференции; 19–20 апреля 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Право и экономика; 2018. с. 146–148.
12. Громова НС. Вербальный экстремизм как особый вид преступлений: правовая и лингвистическая природа. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015;11–1:51–55. EDN: SKYZIX.
13. Южанинова АЛ. Вопросы методики судебной психологической экспертизы вербального экстремизма. *Судебная экспертиза*. 2008;3:43–50. EDN: JUZHML.
14. Кирдун АА. К вопросу о сущности судебной лингвистической экспертизы, назначаемой по делам, связанным с противодействием вербальному экстремизму. В: Могилёвский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь. *Борьба с преступностью: теория и практика. Материалы VIII Международной научно-практической конференции; 23 апреля 2020 г.; Могилёв, Беларусь*. Могилёв: Могилёвский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь; 2020. с. 570–573. EDN: KAQMBK.
15. Парыгина НН. Деловая репутация в системе нематериальных благ. *Теория и практика общественного развития*. 2017; 1:143–147.
16. Потапенко СВ. Судебная защита деловой репутации юридических лиц от диффамации в СМИ. *Право и экономика*. 2000; 6:69–71.
17. Иванченко ГС. *Лингвистическая экспертиза текста в процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации*. Челябинск: Полиграф-мастер; 2006. 228 с.
18. Фролова ИН. Уголовная ответственность за клевету по уголовным кодексам стран ближнего зарубежья. *Актуальные проблемы экономики и права*. 2009;4:210–214.

References

1. Maslova VA, Pivovarov ES. Monodisciplinarity in human sciences is a dead-end path of scientific development. *Metafizika*. 2022; 3:129–137. Russian. DOI: 10.22363/2224-7580-2022-3-129-137.
2. Sepir E. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Kibrik AE, translator and editor. Moscow: Progress; 1993. 656 p. Russian.
3. Katkov VD. *K analizu osnovnykh ponyatii yurisprudentsii* [On the analysis of the basic concepts of jurisprudence]. Kharkiv: Universitetskaya tipografiya; 1905. 462 p. Russian.
4. Gredinger M. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Minsk: YurSpektr; 2023. 544 p. Russian.
5. Wroblewski B. *Jezyk prawny i prawniczy*. Krakow: PWN; 1948. 244 s.
6. Aleksandrov AS. *Vvedenie v sudebnuyu lingvistiku* [Introduction to forensic linguistics]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy; 2003. 420 p. Russian.
7. Brinev KI. [Linguistic expertise: types of expert tasks and methodological presumptions]. *Legal Linguistics*. 2008;9:232–249. Russian.
8. Lapunina TA, Boginskaya DS, Karpenko DD. *Metodika ustanovleniya nalichiya negativnoi otsenki litsa i normativnosti/normativnosti formy ee rechevogo vyrazheniya v spornom tekste* [A method for determining the presence of a negative assessment of a person and the normativity/non-normativity of the form of her speech expression in a controversial text]. Minsk: Scientific and Practical Centre of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus; 2021. 75 p. Russian.
9. Doda IG. Possibilities of forensic linguistics in the Republic of Belarus: current situation and development prospects. In: Tsyganov VI, Tikhonova SS, Yumatova VA, editors. *Estestvenno-nauchnye metody issledovaniy v teorii i praktike proizvodstva sudebnykh ekonomicheskikh i rechevedcheskikh ekspertiz. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 20–21 avgusta 2016 g.; Nizhnii Novgorod, Rossiya* [Natural scientific research methods in the theory and practice of forensic economic and speech science examinations. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference; 2016 August 20–21; Nizhny Novgorod, Russia]. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 2017. p. 46–52. Russian.
10. Kirdun AA, Andreeva AV, Mihailenko GV. [Linguistic expertise in insult cases]. *Issues of Criminology, Criminology and Forensic Examination*. 2015;2:95–100. Russian. EDN: YSENPf.
11. Tikhomirova EA. [The communicative situation of the insult: analysis by an expert]. In: Shved AI, editor. *Evrasiiskoe partnerstvo sudebnykh ekspertov: vyzovy, problemy, puti resheniya i perspektivy razvitiya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 19–20 aprelya 2018 g.; Minsk, Belarus* [Eurasian partnership of forensic experts: challenges, problems, solutions and development prospects. Proceedings of the International scientific and practical conference; 2018 April 19–20; Minsk, Belarus]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2018. p. 146–148. Russian.
12. Gromova NS. Verbal extremism as a special kind of crimes: legal and linguistic nature. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2015;11–1:51–55. Russian. EDN: SKYZIX.
13. Yuzhaninova AL. [Questions of the methodology of the forensic psychological examination of verbal extremism]. *Forensic Examination*. 2008;3:43–50. Russian. EDN: JUZHML.
14. Kirdun AA. [On the issue of the essence of the forensic linguistic expertise appointed in cases related to countering verbal extremism]. In: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. *Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika. Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 23 aprelya 2020 g.; Magiliow, Belarus* [Fighting crime: theory and practice. Proceedings of the 8th International scientific and practical conference; 2020 April 23; Magiliow, Belarus]. Magiliow: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus; 2020. p. 570–573. Russian. EDN: KAQMBK.
15. Parygina NN. Business reputation in the system of intangible benefits. *Theory and Practice of Social Development*. 2017;1:143–147. Russian.
16. Potapenko SV. [Judicial protection of the business reputation of legal entities from defamation in mass media]. *Pravo i ekonomika*. 2000;1:69–71. Russian.
17. Ivanchenko GS. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta v protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva i delovoi reputatsii* [Linguistic expertise of the text in the processes of protecting honour, dignity and business reputation]. Chelyabinsk: Poligraf-master; 2006. 228 p. Russian.
18. Frolova IN. [Criminal liability for defamation under the criminal codes of neighbouring countries]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. 2009;4:210–214. Russian.

Статья поступила в редакцию 03.05.2024.
Received by editorial board 03.05.2024.